

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 94–110.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 4. P. 94–110.

Научная статья / Original article

УДК 172; 211.5; 261.6

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-94-110

«СЕВЕР СТАЛ ДЛЯ МЕНЯ СНЕЖНОЙ И ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНЕЙ»: О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ ПУТЕШЕСТВИИ ФРАНЦА ФОН БААДЕРА В ПЕТЕРБУРГ В 1822–1823 ГОДАХ

Ирина Николаевна Лагутина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
irina.lagoutina@inbox.ru

 Аннотация. В статье реконструируются обстоятельства путешествия Франца фон Баадера в Россию в 1822–1823 годах. Его целью было создание русской «христианской академии», которая возьмет на себя задачу воссоединения науки и религии и которая будет построена на иных основаниях, чем европейские «атеистические» научные учреждения. Баадер увидел в русских образованных сословиях «стихийную религиозность», противостоящую разрушительному воздействию атеистического рационализма и способную к «просветлению» и религиозному «пробуждению». Анализ переписки Баадера, его «Обзора о литературном путешествии в Россию осенью 1822 года, написанного для немецкой публики», а также неопубликованных документов (на русском, немецком и французском языках), обнаруженных в архиве Министерства ино-

© Лагутина И.Н., 2021

странных дел, позволяет понять причины и последствия путешествия немецкого философа-мистика в Россию. Как показывает автор статьи, неудача его проекта была предрешена внутривосточными событиями в России, усилением позиции консервативных православных кругов и сменой идеологического курса императора Александра I с его ориентацией на конфессиональный либерализм.

Ключевые слова: Баадер, путешествие в Россию, религиозная политика Александра I

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Лагутина И. Н. «Север стал для меня снежной и ледяной пустыней»: о несостоявшемся путешествии Франца фон Баадера в Петербург в 1822–1823 годах // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 94–110. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-4-94-110>.

Memory of Culture

“THE NORTH HAS BECOME A SNOWY AND ICY DESERT FOR ME”:
THE UNSUCCESSFUL JOURNEY OF FRANZ VON BAADER
TO ST. PETERSBURG IN 1822–1823

Irina N. Lagoutina

National Research University “Higher School of Economics”
(HSE University), Moscow, Russia, irina.lagoutina@inbox.ru

Abstract. The article reconstructs the circumstances of Franz von Baader's trip to Russia in 1822–1823, whose goal was to create a Russian “Christian academy”. This academy would take on the task of reuniting science and religion and be built on a different basis than European “atheistic” scientific institutions. Baader saw in the Russian educated estates “spontaneous religiosity”, opposed to the destructive impact of atheistic rationalism, capable of “enlightenment” and religious “awakening”. The article contains an analysis of Baader's correspondence, his “A short report to the German public about my literary trip to Russia in the autumn of 1822 and its success”

(Kurzer Bericht an das deutsche Publikum über meine im Herbste des Jahres 1822 unternommene literarische Reise nach Russland und deren Erfolg), as well as unpublished documents (in Russian, German and French) found in the archives of the Ministry of Foreign Affairs. These sources make it possible to understand the causes and consequences travels of the German mystic philosopher to Russia. As the author of the article shows, the failure of his project was predetermined by internal political events in Russia, the strengthening of the position of conservative Orthodox circles and the change in the ideological course of Emperor Alexander I with his orientation towards confessional liberalism.

Keywords: Franz von Baader, a trip to Russia, the religious policy of Alexander I

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Lagoutina, I.N. (2021) “The North has become a Snowy and Icy Desert for me”: The Unsuccessful Journey of Franz von Baader to St. Petersburg in 1822–1823’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(4), pp. 94–110. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-94-110.

В конце десятих годов XIX века А. Н. Голицын, возглавлявший Министерство духовных дел и народного просвещения, пригласил Франца фон Баадера, занимавшего в это время должность «литературного корреспондента» министерства, получавшего жалование от русского правительства и имевшего оживленную переписку с самим министром, приехать в Россию, чтобы обсудить научные идеи и примечательные явления в культурной сфере. Но планы Баадера, связанные с Россией, простирались значительно дальше. Петербург представляется ему наиболее удобным местом для создания *христианской академии наук*, которая смогла бы стать противовесом «атеистическим» западноевропейским институциям. Баадер неоднократно писал, что разрушение науки началось с основания французской Академии, что привело к созданию «союза ученых, известных под именем энциклопедистов». Он чувствовал себя обязанным предпринять «длительное и дорогое путешествие в Петербург», лелея надежду основать там новый «академический союз», целью которого могло бы стать «объединение науки и религии, как целью союза энциклопедистов было их разделение» [Baader, 1987, Vol. 15, S. 79]. Баадер, в 1810-е

годы активно общаясь с русскими аристократами, близкими к императору, проводившему политику религиозного либерализма, наблюдал в русских образованных сословиях «стихийную религиозность», противостоящую разрушительному воздействию атеистического рационализма и способную — как он считал — к «просветлению» и религиозному «пробуждению».

В статье реконструируются обстоятельства несостоявшегося путешествия Франца фон Баадера в Россию в 1822–1823 годах. Анализ переписки Баадера, его «Краткого обзора литературного путешествия в Россию осенью 1822 года, написанного для немецкой публики» (*Kurzer Bericht an das deutsche Publikum über meine im Herbste des Jahres 1822 unternommene literarische Reise nach Russland und deren Erfolg*)¹, а также неопубликованных документов (на русском, немецком и французском языках), обнаруженных в архиве Министерства иностранных дел, проливает свет на причины и последствия путешествия немецкого философа-мистика в Россию.

В одном из писем от 8 апреля 1822 года Баадер набрасывает контур своего нового научно-религиозного проекта:

Уже некоторое время я обдумываю идею философско-религиозного миссионерского учреждения, создание которого не должно быть трудным, и которое, в хорошем смысле, заняло бы вакантное место организации вольных каменщиков и иезуитов. Разве у банды злобных негодяев (*die Bande der bösen Buben*) нет такого миссионерского учреждения, и справятся ли с ними светские правители и Рим без подобного института?.. Мое призвание — это повсюду атаковать, неутомимо критиковать и разрушать антирелигиозный принцип, особенно в господствующих сегодня философских учениях о природе и человеке, и это становится для меня все более актуальным, поскольку каждый день я вижу все новые доказательства того, что эти учения отравлены ядом. Дурной принцип (*das böse Princip*) возвысился уже до сферы разума, ранее овладев действием и волей, и почти все наши философы *мыслят* самое малое атеистически, даже если они атеистически не действуют и не имеют атеистической воли.

[Ibid., S. 378]

Как видно из приведенного отрывка, Баадер считает развитие науки по парижскому образцу «единой великой ошибкой», которая приводит к все углу-

¹ Обзоры Баадера были опубликованы только после его смерти, в 1850 году, во 2-м издании собрания сочинений [Baader, 1850, S. 526–536].

бляющемуся расколу и взаимоуничтожению различных направлений мысли: «союз энциклопедистов породил союз иллюминатов» [ibid., S. 96]. Этот союз, объединивший современных рационалистов, материалистов и атеистов, он и называет «злбными негодьями». Энциклопедисты захватили западные университеты и академии и оттуда, используя «освобожденный от оков веры разум», уничтожают своей критикой «последние основания божественных истин откровения». Связывая свою философскую позицию с политическими задачами современной эпохи, он цитирует недавнее сочинение «О пророчествах и силе веры» (Über Divinations und Glaubenskraft, 1822), посвященное А. Н. Голицыну: «Наука, которая уклоняется от Бога, соответствует государству, отделившемуся от церкви (церковь становится здесь вроде *Affaire étrangère* [Министерства иностранных дел. — *И. Л.*]) <...>. Но и государство, которое придерживается принципов протестантизма (<...> религиозного якобинства), стоит на пути к атеизму: под предлогом подчинения только Богу (Закону), а не человеку, подданные не подчиняются никому из людей <...>, отсюда развивается протест против самого Бога» [ibid., S. 379–380].

Через несколько лет, будучи уже в Германии, в письме от 15 мая 1827 года Борис Икскуль, сопровождавший Баадера в путешествии, напоминает учителю о его прежних замыслах по реорганизации академической науки. Христианская академия должна была противостоять как нехристианским, так и антихристианским (*theils nichtchristlichen, theils antichristlichen*) *антисоциальным научным обществам*, пропагандируемым во Франции и Германии, и философ в своих сочинениях выражал неоднократно убеждение, что нужна не реформация отдельных церквей и конфессий, а прежде всего реформирование и реставрация науки, ставшей до самых корней антирелигиозной: «Вашим страстным желанием было последовательное противодействие постепенному разрушению христианства во всех конфессиях, противостояние коррупции общества и якобинству» [ibid., S. 439].

В «Кратком обзоре литературного путешествия» Баадер напишет, что «из России должен в Европу заструиться свет знаний». Его тезис не был чем-то новым, этот аргумент приводил в XVII веке Лейбниц, чтобы убедить императора Петра I создать сеть научных академий в России. Для Лейбница Россия представлялась «невозделанным полем <...>, которое позволяет возвести новую постройку по единому плану, избежав тех искажений, которые успели вкратиться в европейские учреждения» [Куренной, 2004, с. 440]. Баадер, хотя и исходит из противоположных предпосылок, также считает, что наука, которую Россия уже восприняла из Европы, должна в очищенной форме возвратиться в Европу. «Мне кажется славным и похвальным, — продолжает Баадер, — что Россия,

которая очень много света получила и получает извне, а именно из Германии, ответит таким же сияющим (*luminöse*) противодействием». Он выводит формулу, в которой для него заключается миссия России в Европе и которую позже будут использовать славянофилы: «Последние должны стать первыми» [Baader, 1987, Vol. 15, S. 97]. И тогда же издаст сочинение, впоследствии повлиявшее на взгляды С. П. Шевырева, — «О католичестве и протестантизме» (*Über Katholizismus und Protestantismus*, 1824), где противопоставит римскому «авторитаризму» и «анархическому и разлагающемуся» протестантизму третий путь развития христианства, связанный с русским православием.

Как же Баадер представляет себе структуру такой религиозно-научной организации? Это будет самостоятельное учреждение, которое «под присмотром» (Баадер использует выражение “*sous les auspices*”) русского правительства найдет широкое поле деятельности в общественной жизни Европы, наладив коммуникацию с такими же институтами в других странах. Он подчеркивает, что «обновление науки» не может быть осуществимо ни одиноким гением-ученым, ни церковью, а только объединением «ученого сословия», и поэтому новая академия не должна объединять всех желающих и не должна походить на библейское общество. В ее состав не войдут ни чиновники, ни духовенство, а только ученые.

Значительный интерес для понимания цели путешествия Баадера и роли России в его религиозно-политических проектах представляет его письмо к Иксюлю от 16 марта 1822 года. Письмо начинается с характеристики политических и религиозных проблем эпохи, которые, с его точки зрения, имеют исходный пункт — поражение Наполеона.

Наполеон еще мог сдерживать «железной волей» «взрывную демократическую стихию», но после его смерти бонапартизм разделился на два полюса, которые друг другу противостояли: на высвободившиеся демократическую и деспотическую стихии, каждая из которых присутствует во Франции в виде той или иной партии. Но «эти стихии преследуют одну единственную цель: разрушение всякой корпоративности и установление абсолютного деспотизма (*absolute Despotie*)». И не важно, начинается ли этот процесс снизу вверх или сверху вниз. Этот политический процесс связан с последовательной дехристианизацией, вследствие чего «связь между правителем и подданными больше не является нерасторжимым католическим браком (таинством), но лишь протестантским конкубинатом (социальным контрактом)»:

Христианский принцип, конституирующий монархию, был сначала утерян самими монархами, жаждущими неограниченной власти, которые хотели,

чтобы корпорации (сословия, дворянство) частично прогнили изнутри, частично были низвергнуты вновь созданными сословиями, и, таким образом, они достигли бы высшей степени деспотической власти (например, Людовик XIV или папа Григорий VII). Именно это и вызвало реакцию снизу, так называемую Реформацию — сначала религиозную, или церковную, а затем политическую. Первый шаг к умеренности (*Mäßigung*) и, таким образом, сохранение светской власти — это отказ от духовной власти, полученной незаконным путем. Однако все правители, которые отдают свою власть, отнятую у церкви, обратно церкви или народу, санкционируют передачу максимума власти вниз и теоретически не могут возражать против изменения основ своей власти. Там, где не происходит признание умеренности, дуализм несомненно проявится точно так же, как он возник в философии, где отрицание божественного смешивало его либо с возвеличиванием неразумной природы, либо с обожествлением разумного духа. По этой же причине неверно утверждение, будто Шеллинг или Гегель вышли за пределы дуализма Фихте.

[Ibid., S. 373–374]

Баадер считает, что русская автократия сейчас вступила в пору кризиса, который охватил Запад уже в эпоху Реформации, и, преодолевая его, не следует повторять ошибки, как это было в европейских монархиях, а учиться на их ошибках. Главной ошибкой, с точки зрения Баадера, было подавление властью третьего сословия, превратившегося в политическую оппозицию, и следствием этого стала революция. Именно этого должна избежать Россия, и в этом предотвращении революции Баадер видит свою задачу. Основной путь преодоления опасности — это органическое вращение третьего сословия в сословный организм общества. Стремление предохранить Россию и духовно, и политически от катастрофических последствий европейской революции стало сильным духовным импульсом в его русских интересах. И его специальный план основания христианской академии в Петербурге был определен именно этим намерением.

* * *

6 сентября 1822 года Баадер направляет в Мюнхенскую Академию наук письмо, где просит предоставить ему отпуск для задуманного им путешествия по северной Германии и России, чтобы познакомиться с научной жизнью университетов:

Мне представилась уникальная возможность посетить важнейшие университеты северной Германии и России в сопровождении состоятельного друга,

который полностью поглощен наукой, и я покорнейше прошу королевскую Академию наук предоставить мне необходимый отпуск на семь-восемь месяцев. Пока нет постоянного общественного учреждения, которое время от времени могло бы вовлекать ученых и членов научных объединений отдельных наций в личное общение, оставляя им вместо живого общения только мертвое научное писательство, в высшей степени желательно, чтобы отдельные ученые были в состоянии хотя бы частично заменить отсутствие широкого и продолжительного устного общения путешествием, и я льщу себя надеждой, что мое запланированное путешествие, посвященное исключительно науке, получит одобрение того высокого научного сообщества, членом которого я имею честь быть.

Тёплиц, 6 сентября 1822 года

[Ibid., S. 66]

Другом, о котором идет речь, являлся барон Беренд (Борис) Иоганн Фридрих Икскуль (1793–1870), остгейский немец и подданный России, происходивший из богатого и знатного аристократического эстляндского рода. Он изучал философию в Гейдельберге, Гёттингене, Тюбингене, Берлине, Париже и Мюнхене, являлся учеником Гегеля и был переполнен собственными философскими и политическими идеями. При этом он страстно влюбился в дочь Баадера, мечтал стать его зятем и был готов принять любые виражи мыслей своего нового учителя и сопровождать его не только в Петербург, но куда угодно. Баадер, будучи мистиком и романтиком, увидел в этой встрече божественный знак, подчеркивая в письме Икскулю от 16 марта 1822 года, что «встреча людей, как и расположение звезд, имеет глубочайшее значение. Если нас даже мимолетно касается что-то высшее, то оно имеет лишь один смысл — восстановление духовной связи...» [ibid., S. 374]. Или еще: «Я согласен с вами в том, что любая связь может существовать и жить только в результате совместных действий, что это должен быть союз работающих и созидательных рук. У нас, как и у израильтян, должны быть общие невзгоды извне и общее блаженство (любовь) внутри — в одной руке шпатель, в другой руке меч... И поэтому моему сердцу любо, что мы связаны и внешними и внутренними связями» [ibid., S. 375].

Те же самые мысли высказывает Баадер в письме от 14 марта 1822 года к Рахели Варнхаген: только совместная деятельность доказывает и сохраняет это единение, недостаточно, чтобы внутренний человек являлся одним целым, творческие руки должны обязательно заключить союз, и такие люди должны быть связаны не только внутренней мистической связью, но и внешне (через

свободное совместное действие) [ibid., S. 370–371]. В духе религиозных представлений эпохи философ выстраивает модель своеобразного мистического союза, вторым элементом которого становится его молодой друг — «мистическим элементом для единения в совместном деянии». И под этим деянием философ имеет в виду их совместное путешествие в Россию.

Однако за те несколько лет, которые последовали за участием Баадера в создании концепции Священного союза и контактами с «пробужденными» русскими аристократами, ситуация в России кардинально изменилась. В 1822 году, когда Баадер начинает свое путешествие, происходит смена идеологического курса Александра: православная оппозиция, отвергавшая любые мистические учения, все больше набирала силу.

Во главе православных консервативных кругов стоял архимандрит Фотий. Для него в одном ряду находилось пиетистское «пробуждение», масонская «внутренняя церковь», идеи французского «вольнодумства и сквернословия», гадательные книги, гороскопы, сонники. Он выступил с резким обличением «антиправославной» деятельности Российского Библейского общества, во главе которого стоял А. Н. Голицын, считая, что уравнивание православия с другими конфессиями, а также «расползание» по всей России европейского «мистицизма и масонства» ведут к революции [см. Кондаков, 1998].

Итак, получив отпуск, Баадер вместе с Икскулем поехал через Берлин и Кенигсберг сначала в Эстонию, в усадьбу своего молодого друга Йедефера (Jeddefefer), а оттуда, после краткого пребывания, в Ригу.

Уже его первая встреча с представителем российского правительства, высшим государственным чиновником, генералом-губернатором остгейских провинций князем Филиппо Паулуччи показала реальное положение дел. Паулуччи, итальянский дворянин из Пьемонта, который незадолго до нашествия Наполеона перешел на русскую службу², ненавидел «пиетистов и мистиков».

² В дипломатической переписке де Местра 1811–1817 годов Паулуччи предстает истинным спасителем России, более того — победителем Наполеона. Де Местр изображает сказочный взлет Паулуччи, который прибыл в Россию в чине полковника, потом за короткий срок получил чин генерал-лейтенанта, стал кавалером орденов Святой Анны и Святого Георгия, был назначен генерал-губернатором Грузии и, наконец, в 1812 году — генерал-адъютантом его императорского величества и квартирмейстером русской армии, которая находилась под командованием императора Александра. С точки зрения де Местра, именно Паулуччи спас Россию от Наполеона, «открыв» императору бессмысленность планов отступления русских генералов. «Именно Паулуччи, — пишет де Местр, — заставил императора покинуть армию и вернуться в Петербург, объяснив ему — чего не решались сделать русские генералы, — что его пребывание здесь лишь обременяет армию, связывая многочисленное войско. Кроме того, он разъяснил императору, что не каждый государь является полководцем и что было бы хорошо передать управление армией тому, кто в этом знает толк. Это вмешательство Паулуччи де Местр изображает как великий поворот судьбы России» [Maistre, 1860, цит по: Benz, 1950, S. 645].

Вероятно, Баадер ожидал, что Паулуччи быстро уладит все формальности, и, получив паспорт, он без задержек продолжит свой путь до Петербурга. Но его ждало разочарование. После изгнания из России иезуитов «Паулуччи и де Местр образовали что-то вроде группы католического сопротивления» [Benz, 1950, S. 646], которая стояла в острой оппозиции к «движению пробуждения». В религиозной политике Александра с ее ориентацией на конфессиональную свободу иезуит Паулуччи (как и православный архимандрит Фотий) видел начало верной гибели России: проникновение немецкого «движения пробуждения», немецкой мистики и немецкой философии в образованные, ученые и православные круги России казалось им главной опасностью, которая ускорит распространение революционных идей в России и подорвет теократическую основу русской империи.

Европейское религиозное «движение пробуждения», которое в России распространялось идеологией христианского универсализма Александра I и было близко Баадеру, рассматривалось Паулуччи и де Местром как своего рода «иллюминатство», то есть как наиболее революционная ветвь масонства, а немецкая философия виделась ими как маска революции (впрочем, в духе подобной конспирологии, та же логика, правда, с заменой слова «немецкий» на «французский», отличала и рассуждения Баадера). Свое резко отрицательное отношение к религиозной политике Александра I 1810-х годов, которое Паулуччи разделял в полной мере, де Местр, выразил кратким тезисом: «Настоящий враг России — ее правительство. Сам император, который руководствуется современными идеями, и прежде всего немецкой философией, стал ядом для России» [de Maistre, 1860, цит. по: Benz, 1950, S. 645]. Будучи рижским военным генерал-губернатором, Паулуччи получил отличную возможность использовать свое положение, чтобы препятствовать «импорту» из Германии пасторов и священников, близких по своим настроениям «движению пробуждения».

Когда Баадер прибыл в Ригу, Паулуччи уже был о нем наслышан, ведь это по его рекомендации в Россию прибывали новые проповедующие «пробуждение» священники, среди которых были и ненавистные Паулуччи братья Хайнлет — пиетисты, приехавшие из Мюнхена и занявшие должность учителей в Риге. И вдруг у него появляется возможность отомстить человеку, который, по его мнению, был причиной «несчастий», обрушившихся на Россию. Из письма Баадера А. Н. Голицыну можно видеть, что Паулуччи принял его с ледяной холодностью и сообщил во время краткой беседы, что считает Баадера “exagéré”. Словечко “exagéré” (преувеличенный, экзальтированный, преисполненный душевного энтузиазма) в эпоху Французской революции использовалось как политический термин, близкий понятию «якобинец», «революционер» [Trésor

de la langue française, 1980, vol. 8, p. 374]. Баадер, как он сообщает А. Н. Голицыну, был горячо задет этим упреком и сказал Паулуччи, что самоуверенность этого забытого Богом мира может быть преодолена только “exagéré”, но что эта “exagération” в религиозной сфере никогда не будет способствовать революции, то есть религиозного человека (exagéré) не следует смешивать с революционером. Он сам, продолжает Баадер, не только с честью принимает это звание, но и защищает необходимость религиозной “exagération” в эти безбожные времена [Lettres inédites de Franz von Baader, 1942–1983, vol. 2, p. 362]. Когда Паулуччи услышал из уст самого Баадера, что тот относит себя к числу ненавистных им людей, он сделал все возможное, считает Бенц, чтобы не пустить Баадера в Россию [Benz, 1950, S. 645–646].

Впрочем, в Архиве российского Министерства иностранных дел сохранились документы, из которых следует, что интрига, результатом которой было многомесячное ожидание Баадера на границе с Россией (в Мемеле) и, в конце концов, возвращение в Германию с чувством горького разочарования, начинается еще до прибытия Баадера в Ригу к Паулуччи, что доказывает приведенная ниже и не публиковавшаяся ранее переписка высших российских чиновников.

21 октября (2 ноября) 1822 года из Вероны, где в это время находился Александр I, была направлена Паулуччи депеша от министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде (черновик письма написан по-французски):

Господин маркиз,

Мы только что узнали, что некто по имени Франсуа Баадер, баварский литератор, обычно проживающий в Мюнхене, заявил о своем намерении поехать в Россию. Его Величество Император, не испытывая особой благосклонности к этому человеку, полагает, что нельзя допустить этого действия (зачеркнуто: полагает, что он не должен быть допущен на территорию империи). Мне приказано проинформировать Ваше Превосходительство об этой резолюции, и Вы обязаны, господин маркиз, в случае, если господин Баадер получит средства для достижения Курляндии или Лифляндии, заставить его немедленно повернуть назад и убедиться, что он не будет продолжать свое путешествие в Санкт-Петербург или продлевать свое пребывание в России.

[АВПРИ. Ф. 1: Административные дела. Оп. IV. Д. 1. Л. 26]

Строго говоря, уже с самого начала путешествие Баадера из Баварии в Россию было своеобразной авантюрой: без подготовки, без уверенности, без знания русской бюрократии, без русского паспорта, лишь основываясь на вере в

родство душ. «Икар был в полете и с восторгом чувствовал у себя за спиной крылья», — как точно замечает Бенц [Benz, 1950, S. 70].

Чем больше усиливалось «мистическое» влечение Баадера к России, тем больше было роковых препятствий на его пути. Его мытарства на пути в Россию начались даже из-за сопровождающего его Иксюля, слывшего и в Пруссии, и в России либералом, поскольку он вращался в парижских либеральных салонах, подобных салону Бенджамина Констана. Ко всему прочему прусское правительство получило донос, что в Берлин приехал «либерал и демагог» Баадер. И в Германии, и в России официальные власти считали, что он скрывает истинные цели своего путешествия, видя в нем то «тайного» иезуита, а то и пиетиста, масона или революционера.

Баадер, впрочем, действительно хотел быть в центре событий и лично влиять на министра А. Н. Голицына и императора Александра I. В «Кратком обзоре литературного путешествия в Россию...» он об этом говорит не таясь: «...я должен был признать: только личная встреча с господином министром могла бы ускорить мое предприятие...» [Baader, 1987, Vol. 15, S. 79]. И еще: «Анонимное предупреждение, которое я получил в Мюнхене, где мне советовали никому не доверять свои доклады [имеется в виду его деятельность «литературного корреспондента» министерства Голицына. — И. Л.] зародило во мне желание лично встретиться с господином министром...» [ibid., S. 96]. Ведь он хорошо помнил те недавние времена, когда, как он считал, беседы его соотечественников с Александром I (прежде всего баронессы фон Крюденер и Юнга-Штиллинга), его личное участие в создании проекта Священного союза, повлекли за собой в 1810-е годы изменение религиозной политики.

21 ноября 1822 года маркиз Паулуччи передал Баадеру письмо от министра А. Н. Голицына (датированное 17 ноября 1822 года), который неожиданно для философа рекомендовал тому ехать не в Петербург, а вернуться на границу и ожидать там паспорт для поездки в Россию. Поводом для этого была необходимость высочайшего разрешения императора, участвовавшего с 20 октября по 14 декабря в первом Веронском конгрессе Священного союза. На следующий день, 22 ноября, Паулуччи пишет отчет графу Нессельроде:

Вместе с бароном Иксюлем из-за границы прибыл баварский уроженец Франц Баадер, который и отправился с ним до Ревеля в том предположении, чтобы посетив там губернского директора училищ барона Стакольберга, следовать потом в Санкт-Петербург. Известно будучи, что сей Баадер принадлежит к разным тайным и религиозным обществам, я обратил особенное на него внимание и предписал эстляндскому гражданскому губернатору иметь строгий за

действиями и обращением его под рукою надзор. Ныне же, получив по эстафете почтеннейшее отношение Вашего сиятельства от 21 октября/2 ноября с прописанием Высочайшей Его императорского Величества воле о невпуске того Баадера в пределы наши или о понуждении его, в случае воспоследовавшего уже прибытия, к безотлагательному возвращению, я тотчас предписал эстляндскому гражданскому губернатору объявить ему, чтобы он немедленно следовал прямым трактом в Ригу и явился здесь ко мне, а в случае выезда его из Ревеля в Санкт-Петербург послал бы нарочного вслед за ним, если имеется в виду возможность настигнуть его в дороге. На случай же прибытия уже его Баадера в Санкт-Петербург, я вместе с тем довел все сие до сведения управляющего министерством внутренних дел графа Виктора Павловича Кочубея, прося приказать безотлагательно выслать его Баадера ко мне для понуждения его к оставлению пределов наших. О последующем же я не премину уведомить Ваше Сиятельство для всеподданнейшего его императорского величества донесения о приведении высочайшей воли в точное исполнение.

[АВПРИ. Ф. 1: Административные дела. Оп. IV. Д. 1. Л. 27–27 об.]

И почти сразу, 24 ноября, еще одно письмо:

Государь мой граф Карл Васильевич!

В дополнение отношения моего от 11 сего ноября №74 о баварском уроженце Баадере, имею честь уведомить Ваше сиятельство, что по рапортам эстляндского гражданского губернатора, сей иностранец не доезжая Ревеля, остановился в принадлежащем барону Иксулю поместье Йеддефер, куда и отправлен был полицейский чиновник с письменным от губернатора на его имя приглашением — следовать в Ригу и явиться ко мне. Сначала Баадер тому сопротивлялся под тем предлогом, что ожидает ответа на письмо его к господину министру духовных дел и народного просвещения, но впоследствии вторичного внушения ему, что предписания начальства должны быть исполняемы, он отправился из помянутого поместья Йеддефер и прибыв сюда 19-го сего ноября, явился ко мне. По объявлении ему Высочайшей воли, чтобы он возвратился за границу, я почел нужным взять от него подписку в том, что он без особенного высочайшего соизволения никогда в пределы России не въедет, после чего он 22 числа отправился на Поланген с выданным ему для проезда за границу паспорта.

Из сего Ваше сиятельство усмотреть изволите, что сообщенная мне высочайшая на счет Баадера воля, приведена в точное исполнение.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть
Милостивый государь мой

Вашего сиятельства покорнейший слуга
Маркиз Паулуччи.

Рига
Ноября 24 дня
1822 года
[Там же. Л. 28–28 об.]

Поговорив с Паулуччи, Баадер с волнением сообщает Иксюлю из Риги, что его «хотят увезти от императора и натравить его на меня; но он должен обратить на меня внимание!»:

А пока, чтобы строго соблюдать формальности, я еду сегодня в Поланген и Хоендорф. О реальном состоянии дела я ничего не могу написать в письме. Я искренне прошу вас сохранять полную уверенность в том, что за каждым Вашим шагом, высказываниями, письмами наблюдают... Rien n'affermir l'homme plus que la parole retenue [Ничто так не укрепляет человека, как сдержанность. — И. Л.]: слова — это дела — семена; вам не нужно сеять это семя на ветру, чтобы разозлить бурю!.. Еще раз прошу вас сохранять спокойствие. Я скоро вернусь.

[Baader, 1987, Vol. 15, S. 389–390]

Он снова и снова пишет Голицыну, убеждая в необходимости своего путешествия, посылает несколько прошений императору, в которых, опасаясь, что его задерживают на границе из-за доносов, подозревая в нем пиетиста, дистанцируется и от пиетизма, и от «движения пробуждения». Он подчеркивает свои надконфессиональные пристрастия и называет теперь целью своего путешествия не создание христианской академии, а оказание помощи России в искоренении религиозного сепаратизма, который ведет к сепаратизму политическому. Император должен знать, заявляет Баадер, что он не поддерживает революционные сепаратистские (пиетистские) круги в Петербурге, но является последователем консервативной религиозной группы, и что он видит свою задачу в усилении сопротивляемости церкви и государства в России революционной стихии сепаратизма [Lettres inédites de Franz von Baader, 1942–1983, vol. 2, p. 364].

В декабре он находится в Кенигсберге, на Рождество переезжает в Хоенберг, откуда пишет своему молодому другу и просит прислать ему книги Якоба Бёме и Луи-Клода Сен-Мартена. Он сочиняет не только многочисленные письма, но и статьи, сообщая Иксюлю, что завершил «первую попытку философского взгляда на явления магнетизма» [Baader, 1987, Vol. 15, S. 394] и отправил текст в один из берлинских журналов.

Переехав в феврале или в начале марта 1823 года в маленький пограничный городок Мемель (совр. Клайпеда), он в течение семи (!) месяцев ожидает высочайшего позволения поехать в Петербург, так и не поверив, что на этом его путешествие в Россию закончилось.

В мае 1823 года произошел еще один скандал, повлиявший на запрет въезда Баадеру в пределы Российской империи. Цензура пропустила в печать русский перевод книги И. Е. Госнера «Евангелие от Матфея», в которой было обнаружено искажение православной веры. Император издает высочайший указ «Об осуждении книги И. Е. Госнера и высылке его из России, начале следствия об обстоятельствах издания книги», который прямо увязывает это издание с покушением на государственную идеологию: «По рассмотрении в комитете министров признано единогласно, что толкования пастора Госнера кроме того, что противны правилам всех исповеданий христианской религии, оскорбительны для господствующей в государстве нашем греко-российской веры и содержат в себе мнения, клонящиеся к разрушению общественного благоустройства». Но ведь именно при посредстве Баадера этот немецкий проповедник, близкий кругу «пробужденных», был приглашен в Россию. В Петербурге готовится отставка А. Н. Голицына, из церковных общин изгоняются все священники, имеющие широкие религиозные взгляды, если же они были иностранцы — их буквально вышвыривают из России. Очень выразительно в одном из писем Госнер описывает последние минуты на русской земле: когда в Паланге был открыт пограничный шлагбаум, он в большой спешке и с огромным чувством облегчения пересек русскую границу: «Я вздохнул свободнее, чем прежде, обернулся и осенил Россию большим крестом» [Dalton, 1898, S. 310].

5 августа полиция Мемеля получает приказ с требованием предписать Баадеру в течение трех дней объяснить цели своего пребывания в городе и указать срок отъезда. 16 октября 1823 года он покидает пределы России, сообщая в одном из писем (от 4 октября 1823 года) об «отступлении» от «благочестивого Петербурга», в конце октября в Кенигсберге садится на корабль и следует в Берлин, куда прибывает в ноябре. В Пруссии он остается еще на восемь месяцев, испытывая терпение теперь уже прусских чиновников³.

Вместе с неудачами путешествия начались и семейные неурядицы: многочисленная семья Иксюля единодушно возражала против его женитьбы на дочери баварского оберберграта. Баадер напрасно надеялся, что его молодой друг поедет с ним в Мюнхен, рассчитывая на продолжение «мистической связи» и

³ Официальную переписку тайной канцелярии королевского министерства внутренних дел и прусской полиции приводит Бенц в своей книге: [Benz, 1950, S. 111–122].

«совместного деяния», — Иксюлю было запрещено покидать пределы Российской империи.

Из Берлина он отправляет еще одно письмо императору Александру I и одновременно пишет «Краткий обзор литературного путешествия в Россию...», где объясняет свою неудачу интригами и спорами вокруг пиетистов в Петербурге и даже упрекает Голицына в нанесении ему удара в спину. Только теперь он осознает, насколько «глупой историей» (*dumme Geschichte*), «совершенно глупой вещью» (*ganze dumme Sache*) была его авантюра с путешествием в Россию [Baader, 1987, Vol. 15, S. 411]. Баадер был морально сломлен: он вернулся в свою семью, терпеливо ожидавшую его в Мюнхене, — «потеряв» по дороге зятя, и в свою страну — без научных и религиозных лавров. К этому добавилось сообщение из Королевской Академии наук, что ему весь последний год не выплачивалось жалование, поскольку все были уверены, что он ищет для себя место в России. И наконец, в письме к Иксюлю он с отчаянием признается: «Север стал для меня снежной и ледяной пустыней. Единственное сердце бьется со мной в унисон — Ваше. Единственная рука, которая мне может протянуть последнюю помощь, — Ваша» [ibid., S. 399].

Список источников

Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998. 223 с.

Куренной В. А. Лейбниц и петровские реформы // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 437–440.

Benz E. Die abendländische Sendung der östlich-orthodoxen Kirche, Wiesbaden, 1950.

Dalton H. Johannes Gossner. 3 Aufl. Berlin — Friedenau, 1898.

Baader F. Kleine Schriften: Aus Zeitschriften zum erstenmal gesammelt u. herausgegeben von Franz Hoffmann. Leipzig: Herrmann Bethmann, 1850.

Baader F. Sämtliche Werke. Hrsg. von Hoffmann Franz F. Leipzig, 1851–1860. In 16 Bde. [Nachdruck, 1987].

Maistre J. de. Correspondance diplomatique 1811–1817. Ed. P. A. Blanc, Paris, 1860.

Lettres inédites de Franz von Baader / ed. par Susini E. Vol. 1–4. Paris: Vrin, 1942–1983.

Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du 19e et du 20 siècle (1789–1960). Paris, 1980. Vol. 8: Épicycle-Fuyard.

Архивы

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

References

Baader, F. (1850) *Kleine Schriften: Aus Zeitschriften zum erstenmal gesammelt u. herausgegeben von Franz Hoffmann*. Leipzig: Herrmann Bethmann.

Baader, F. ([1987]) *Sämtliche Werke. Hrsg. von Hoffmann Franz F. Leipzig, 1851–1860*, in 16 Bde, [Nachdruck].

Benz, E. (1950) *Die abendländische Sendung der östlich-orthodoxen Kirche*. Wiesbaden.

Dalton, H. (1898) *Johannes Gossner. 3 Aufl.* Berlin — Friedenau.

Kondakov, Yu.E. (1998) *Dukhovno-religioznaya politika Aleksandra I i russkaya pravoslavnaya oppozitsiya (1801–1825)* [*Spiritual and Religious Policy of Alexander I and the Russian Orthodox Opposition (1801–1825)*]. St. Petersburg: Nestor.

Kurennoi, V.A. (2004) ‘Leibnits i petrovskie reformy’ [‘Leibniz and Peter's Reforms’], *Otechestvennye zapiski*, 2, pp. 437–440.

Maistre, J. de (1860) *Correspondance diplomatique 1811–1817*. Ed. by P.A. Blanc. Paris.

Susini, E. (ed.) (1942–1983) *Lettres inédites de Franz von Baader. Vol. 1–4*. Paris: Vrin. 4 vols.

Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du 19e et du 20 siècle (1789–1960). Vol. 8: Épicycle-Fuyard (1980) Paris.

Информация об авторе: И. Н. Лагутина — доктор филологических наук, профессор Школы филологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: I. N. Lagoutina — D.Sc. in Philology, Professor of the School of Philological Studies, the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 13.12.2021;
принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 13.12.2021;
accepted for publication 14.12.2021.